

Надежда Чернова

ГНЕЗДО ЖАР-ПТИЦЫ

* * *

Что ты можешь мне ещё сказать?
Да и я давно уж всё сказала,
А вот лес и луг шумят опять,
А вот Жизнь играет всё сначала
На тугих и звонких струнах рек –
Мир весенний музыкой разбужен!
Ей не надоест из века в век
Песенку играть одну и ту же...

Сколько едем – всё над нами птица
Кружит и не хочет отставать:
Может, голубь,
Может быть, орлица,
Может, просто облако – как знать?

До порога бедного проводит,
Подождёт и поглядит на нас.
Может, на вечернем небосводе
Ангела мы видели сейчас?

ЗАВТРА

Завтра ещё не настало,
Но брезжит уже в воде,
Где русалка устало
Качается на звезде.
Месяц, как лодка худая,
Почти совсем затонул.
Рыб серебристая стая
Слушает неба гул.
Вспыхивает зарница,
Жжёт по лугам быльё.
Мечется, плачет Жар-птица,
Ищет гнездо своё...

* * *

На краю земли и небосвода
Кто-то угли ворошит в золе,
И танцуют искры хороводом,
Вспыхивая звёздами во мгле.

ТАЙНА

Всё тайна: мыслящий тростник,
И мыслящий родник,
И всюду музыка миров,
И всюду Божий лик –
И в Слове, и за гранью слов,
Непостижим, велик...

* * *

С краями наполнится брашно,
Как русло реки Иртыша.
В безвестности кануть не страшно,
Осталась бы только душа.

О, только б душа уцелела
В потоке сжигающих дней,
Когда обветшалое тело
Навеки расстанется с ней.

* * *

Мы, слепые от рожденья,
Слышим каждое мгновенье,
Глубь земли и неба высь.
Мы – слепцы. Держась друг друга,
Не выходим мы из круга,
Как и Солнце, как и Жизнь.

* * *

Мне снятся перемены,
А перемен всё нет:
Вокруг всё те же стены
И тот же тусклый свет.
А ведь живу я, зная –
От ветра перемен
Судьба разрушит злая
Любую крепость стен.
Руины. Пылью белой
Полны и хлябь, и высь.
Зачем же я хотела,
Чтоб изменилась жизнь?

КРЫМ

Сидеть в саду и наблюдать стрекоз
В сплетеньях диких виноградных лоз
И белом ливне молодых акаций,
Воображать Ливадию весной,
И свежесть утра с тающей луной,
И нежный зов на лодке покататься,
Ведь море так сияет и блестит,
Струятся скалы – мрамор и гранит –
По зыбкой глади моря золотого, –
Но никуда не ехать.

Зелен сад,

И всё, что хочешь, может видеть взгляд
В сплетеньях листьев утра молодого...

КУРИНЫЙ БОГ

По небу кошка шла
и мышь в зубах держала.
Она её давно уже поймала,
Но всё не ела и не отпускала.

Стояла ночь июля – так темна,
Что крыш не видно.

Шла по небу кошка.

Во тьме кромешной видела она
И черепицу, и чердак с окошком,
А я – лишь её белый силуэт
И жёлтые глаза.

Зато дыханье

Я слышала:

Ты быстро шёл ко мне
По хрусткому песку, и в тишине
Орех заснувший излучал сиянье,
И вспыхивал в саду и гаснул свет.

Ты мне с реки принёс

пятнистый камень,

Был дыркою помечен плоский бок.

Ты мне сказал:

«Гляди, куриный бог!

Он к счастью –

люди верили веками...»

Есть камень у меня,

а ты – за облаками,

И нет туда ни тропок, ни дорог...

МОРОК

Птица белая взлетает.
Над пустыней морок тает.
Стрекотанье, ворожба –
То ли дьявол соблазняет,
То ли грезится судьба...

Ты приходишь в сновиденья

То сиянием, то тенью.

Кто ты? Что ты? Отзовись!

Отвечаешь:

Я – мгновенье,

Я – твоя земная Жизнь!

Никогда не уловима,

То горька, а то сладима,

Весела, а всё – печаль.

Я сижу – проходишь мимо.

Я бегу – стремишься вдаль...

ЭЛЕГИЯ

Я счастливых элегий писать не могу,
 Хоть счастливой была –
 На другом берегу,
 Где жила я,
 От счастья летая.
 Но я плачу совсем не о том, не о том,
 Что жар-птица махнула
 Багряным хвостом,
 И что рыбка ушла золотая.
 Не о том...
 Ведь сияют листвою леса,
 И осенних небес выпадает роса,
 Освежая горячие веки,
 И судьбы не упущена главная нить,
 Но – я словом своим не могу оживить
 Тех,
 Кого потеряла навеки...

ОВИДИЙ

Вода и ветер в творческом полёте
 Вытачивают в скалах вековых
 Зверей, и птиц,
 И рыб, и дев нагих,
 И змей волнистых из песчаной плоти.
 Фантазией своей увлечена,
 Слепа Природа – нас она не видит,
 Как день и ночь бормочущий Овидий:
 Он на песке оставит письма, и
 И смоеет их зелёная волна,
 И раковины песнь подхватят вскоре,
 Закрутят её в нежную спираль –
 И я услышу вековую даль
 В ракушках пёстрых,
 Выброшенных морем...

ОГНЕННОЕ ЛЕТО

Из Золотой Орды великой
 На службу к русскому царю
 Неслись татары стаей дикой,
 Они ловили острой пикой
 Во тьме кровавую зарю.

На поле, конницей разбитом,
 Вставало новое быльё.
 Литва и Польша под копытом –
 В резном седле, в бою добытом,
 Несётся прошлое моё.

Листаю ветхие страницы –
 И возвращаю вспять года:
 Татарин бросил повод, а
 Пылают щёки у девицы.

«Не бойся, дивная Жар-птица,
 Кельды, кельды! Иди сюда!
 Вот шёлк, вот жемчуг врассыпную,
 Вот молодая бирюза,
 Вот на плечо лису степную –
 Бери! Не прячь свои глаза!»

Любви нет страха и запрета,
 Сведёт – не жить уже поврозь!
 Кибитка. Огненное лето.
 Меня настигло пламя это –
 В крови моей отозвалось...

MEMENTO MORI

Одуванчик задумался –
 готов к цветению.
 Лисёнок играет со своей тенью.
 Мрачные латыняне, глядя на море,
 Придумали мудрость: «Memento mori!»
 Но кто же станет думать о том
 В бору, от солнышка золотом?
 Все торопятся налюбоваться властью,
 А там хоть совсем пропасть,
 И перелететь в другие миры,
 Где мерцать светлячками
 в лесах сырых...

* * *

Шевелятся пятна цветущих растений,
 Качается марево летней земли,
 Как будто любимых подвижные тени
 Вернулись из бездны –
 и мимо прошли.

Окликнет меня снова юная мама

Промчавшейся птицей

с пером золотым,

Пронзит поднебесье

над куполом храма –

И облако вспыхнет за полем пустым.

Отец прошагает в солдатской шинели.

Давно уж его отгремела война,

Но всё ещё слышатся

взрывы шрапнели,

Но всё ещё дышит огнём тишина.

А рядышком –

тень моя мчится косяя:

Вернулась из детства, примяв ковыли,

В холщовой панамке, худая, босая,

Вся в солнечных пятнах,

в цветочной пыли...

В ГОРАХ БАЯНАУЛА

Срывается к плечу

осенний пепел сизый:

Лес в сполохах огня –

багряный лист печёт.

Я нынче быть хочу,

где мною мир пронизан.

Туда, где нет меня,

теперь уж не влечёт.

Я нынче быть хочу,

где дремлет солнце в скалах,

Где сосны на камнях танцуют, как и я,

Где вереница коз

на дымных перевалах

Пасёт своих козлят, спасая от зверья.

Там горные ручьи

наполнят млеком козы –

Я вспоена водой

родительской земли.

В гранитных чашах гор

младенческие слёзы –

Они из глаз моих когда-то натекли...

КНИГА

Там, где дремучий ельник,

в срубе своём замшелом

Жил, как лесной отшельник,

старец, могучий телом.

Старца любили пчёлы,

к ульям своим пускали.

Все в медоносах доли.

Все в медоносах дали.

Чёрен был дед кудрями –

выцвел, а сам-то крепкий.

Скулы глядят упрямей.

Скулы монгольской лепки.

Да и глаза не наши –

с дикой, степной рысинкой,

Но не бывало краше

для наших баб российских.

Вылюбили до корня,

вырусили до донца.

Стали сияньем горним.

Стали сияньем солнца.

Вымерли все деревни.

Город сманил людишек.

Как-то к часовне древней

дед стародавний вышел.

В чаще она стояла,

слушала звень соловью.

Вроде бы обветшала,

только дышала новью.

Вкруг той часовни тайной

розаны тихо рдели.

Выбрал к ней дед случайно –

так небеса велели!

Там и нашёл младенца –

с венчиком на макушке.

Спрятал под полотенце

да побежал к избушке.

К матице закопченной
зыбку приладил туже:
Спи-засыпай, мальчонок!
Мы тут живём, не тужим.

Рядом семья теснилась:
в окна глядела, в дверцы.
И, словно Божья милость,
радость входила в сердце.

Хлеба, конечно, мало,
но есть коза с овечкой,
Есть огород, за талом
есть голубая речка.

Пчёлки снуют до ночи.
Мёдом полны колоды.
Звёзды горят, как очи,
на небесах Природы.

Если размыслить тонко,
да на судьбу не злиться,
Выкормили волчонка,
взятого от волчицы,
Голубя приютили,
да и скворчонка тоже,
Даже дракон без крылий
спит на сухой рогоже,
А уж домашних тварей...
Всем заменили мамку.
Перекрестился старец.
Сунул младенцу жамку.

Книгу раскрыл с закладкой –
пахли страницы хлебом,
Да земляничкой сладкой,
да родниковым небом.

Буквы, как жито, встали.
Буквы старинной вязи.
Книга большой печали.
Книга житейской грязи.
Но и любви великой,
неистребимой жали.
Люди, старея ликом,
Книгу страстей писали.

Слепли от боли очи.
Плакала, гасла свечка.
Там, между тесных строчек,
есть и о нём словечко.

Сам-то не знаменитый,
дед-книгочей, а всё же
Кровью судьба прошита,
век был в страданиях прожит.
Голод и холод были,
войны опять же, драки.
Люди слагали были
и сочиняли враки.

Было в роду преданье –
было оно сурово:
Слово о распре давней,
и о спасенье Слово.
Выжгли поля монголы,
вырезали селенье.
Над пепелищем голым
кружится ворон тенью.

И возле вражьей жёнки
стая ворон летает.
Дитяtko мнёт пелёнки,
мёртвую грудь хватает.

Шла по полям вдовица,
шла по пустым дубравам,
В мёртвые глядя лица,
кланяясь мёртвым травам.
Шла по речным щебёнкам,
шла и по углям пала –
И подняла вражёнka,
к сердцу его прижала.

Пела ему до зорьки –
песенка лечит беды.
Был тот найдёныш горький
пращуром, предком деда.

Душу спасла любовью.
Вынянчила среди горя.
Стал он, чужой ей кровью,
ближе родных на взгорье.

Там, под курганом тлена,
спит вечным сном рода.
Книгу хранят колена.
Правду доносит Слово.

Старцу семья внимала:
Голубь в окне, волчонок,
В зыбке найдёныш малый,
вынутый из пелёнок,
Пчёлки, что отдыхали
после работы жаркой,
Ёлки – они махали
звёздочке, самой яркой,
Рыбы в реке за талом –
окуни да сомята,
Змеи, запрятав жала,
на валуне покатом,
Кот и в запечье куры,
даже скворец болтливый,
Даже дракончик хмурый
возле козы бодливой,
И петушок огнистый
рядом с овечкой в риге.
Свет исходил пречистый
от растворённой Книги...

* * *

Не рассказывай мне свою жизнь,
Своей тайной со мной не делись.

Хорошо у огня моего –
Не рассказывай мне ничего!

Твою душу ловлю на лету,
Твою тайну в стихи я вплету.

Что хранишь под замками, в дому –
Украду у тебя, отниму!

ДНЕВНИК ЗИМЫ

1

Я зиму не люблю. Мне ближе зной,
И медуниц пылающее море,
И голубой раскидистый цикорий,
И над лугами воздух травяной,

Но всё случилось именно зимой,
Когда метель узорчатой каймой
Края полей повсюду обшивает
И учит деревенских кружевниц,
Как выплетать из белых нитей птиц,
И чтоб листва курчавилась живая,
Блестел бы снег в закрученных кистях
И украшал накидки и подзоры,
Да всё под песни, всё под разговоры
О тайных встречах,
о больших страстях...

2

Был снег такой, что можно утонуть, –
До самых крыш понамело сугробы,
А из сосновой, из лесной чащобы
На блеск луны выкатывалась жуть.

У городских заснеженных окраин
Луну среди ночи лешие украли,
И путники теперь не знали путь.

И мне бы в переулочек свернуть,
И там была бы мне судьба иная,
Но шла я по дороге, не петляя,
И вышла в поле, где взошла Звезда.
Струился свет нездешний, иногда
В полёте снег январский замедляя.

Среди высоких, голубых снегов –
Среди упавших с неба облаков –
Я полем шла.
Ночь проплывала мимо,
В потоках света, в переливах дыма.

Тут вдруг над снегом грянула гроза,
И молнии тотчас пронзили дали!
И следом я увидела Глаза –
Они из тёмной бездны наплывали,
Синее сини, горестней печали,
И радостней, чем летом небеса –
Так только в детстве, у детей бывает,
Когда восторг в душе не убывает,
И слёзы наготове каждый миг...

Тот синий взгляд навек в меня проник.
Не отпускает он, не отпускает...

3

Дождь лил с утра. Была тоска такая,
Хоть в петлю лезь, но не было петли,
И лень вставать,
чтоб жгут на балку вешать.

В бору бурчал и копошился леший,
И выла нечисть тёмная земли.
Степные осыпались ковыли.
Каурый конь ушами прядал чутко.
В осенней мгле покрикивала утка.
Огнём последним рдела рогоза.

И снова я увидела Глаза –
И сердце у меня заныло сладко,
И обожгла внезапная догадка:
Всё не случайно! Я должна за век
Найти Глаза –
на счастье или погибель.

Посланник Бога или человек,
Скажи, кто Ты? Зачем Ты на отшибе
Земной юдоли, среди больших снегов
Явился мне, а после был таков?

И вот опять меня пронзаешь взглядом,
Я чувствую Тебя, Ты дышишь рядом,
И я, как прежде, покидаю кров
И через поле долгое иду...

4

Играло лето в детскую дуду.
Под эту песню ласточки сновали.
Любимого я встретила в саду,
И на Тебя он был похож едва ли,
Но на душистом, летнем сеновале
Он целовал меня. Он был моим.
И задыхалась я от страсти с ним,
И солнца Луч пронзал окно сарая.
Мёд источала люблица сырая –
Трава полей,
чей дух неукротим!

Но страсть сгорела
вместе с жарким летом...

5

И вновь провалы утреннего света.
Нить паутины, или седины? –
Не всё ль равно...
Печалью дни полны.

Брюхато небо. Тучи волочатся,

Сминая отгулявшее жнивье.
Убог мой быт. Убого бытиё.
Пора с земли, наверно, убираться.
Мне перестали в небесах являться
Твои Глаза. И пусто на душе.
Язь засыпает в красном камыше.
Густеют звёзды. Носится позёмка.
Пустынно поле. Леденеет кромка
Туманных вод на быстром Иртыше...

6

Я зиму не люблю.

Но вновь зимой
Созвучий дух овладевает мной,
И я пишу, а вот зачем – не знаю.
Бывает, жизнь свою перелистаю,
И сжечь бы всё – да не горят в огне
Моих ошибок горестные строки,
Порыв страстей, постыдные пороки –
Они всегда, как вечный горб, при мне!

Но выплачусь в строке – и полегчает..
Уже с небес мне птица отвечает,
Уже стучит мохнатою рукой
В окошко снег.

Срывает гроздь рябины
Мне ветер-пилигрим неутомимый,
И скачет конь в долине за рекой.
Повсюду благодать, везде покой,
И по холмам заснеженные ели,
Как церкви встали.

Слышен перезвон
Синиц и горлиц.
Мчится под уклон
Моя зима – везёт в санях метели.
Закутанные в шали по глаза,
Летят метели в поле, за леса,
За край Вселенной
в звёздной канители...

7

Но всё проходит. И зима прошла.
И все луга, и все перепела
Глядели вслед – была я молодая!
То шла, а то по воздуху плыла.
Глядели вслед и речка, и ветла,
И Ты глядел, за тучкой пропадая

И озаряя снова небеса.
 Глядели вслед мне синие Глаза.
 И я смущалась перед небосводом:
 Весенних луж не видя, шла по водам,
 Горела вся от странного огня.
 Сгореть дотла хотела я вначале,
 Но краем глаза всё же замечала,
 Как смотришь Ты!

Как любишь Ты меня!

И потому повременить решила...

Во мне такая закипала сила,
 Что не дай Бог – испепелит до дна!
 Не подходи –

ожог смертельным будет,

Но всё равно ко мне тянулись люди,
 Цветы весны, озёрная волна,
 Шмели, стрекозы, бабочки и пчёлы
 Ко мне летели с ветерком весёлым,
 И на ладонь спускался паучок,
 А на плече сидел комар зловредный.
 И жук зелёный, и кузнечик медный
 Глядели в мой расширенный зрачок –
 В провал Вселенной,

в бездну мироздания,

Куда стремятся смертные создання,

Но дверь туда закрыта на крючок...

8

Весною вновь любимый был со мной,
 И целовал под красною луной.
 Горя огнём, Тебя я забывала,
 Хотя в окне всю ночь Звезда сияла,
 Но виноградник зацветал хмельной,
 Но осыпались листья с одеяла,
 Но падали с него огонь-цветы –
 И выгорала я до пустоты,
 И всё равно любви мне было мало!

9

В разгаре август!

Как земля кругла.

Несу живот, ступая осторожно.

Играет мне кузнечик придорожный

На дудочке из света и тепла.

На мне венки, что я сейчас сплела

Из медуницы и духмяной мяты.

Но все луга в округе перемяты –

Идёт война и птичья, и зверья,

И мелких мушек

в джунглях травянистых,

И пёстрых жуков

в речных протоках чистых,

И в чистом поле стеблей и корья.

И в моём чреве замерло дитя,

Чтоб затаиться в миг слепой охоты,

Когда слезой лугов густеют соты,

Когда проходит, косами свистя,

Весь деревенский мир

в рубахах белых...

Но вот, устав от схваток очумелых,

Темнеет ночь.

И снова в этот миг

Твой синий взгляд на небесах возник –

И в море тёплом,

круглом, бесконечном,

По тайным звёздам,

по дорогам млечным

Младенец мой поплыл и полетел.

Он кувырчался,

он смеялся даже.

И синий взгляд был у него на страже –

И он в ответ в глаза Тебе смотрел.

Был синеглаз, как Ты, младенец мой.

Он от любви чужой,

но был он Твой –

И навсегда с Тобой меня он свяжет!

Да что о том впустую говорить?

Как будто внове женщине родить

От солнца в небе, или от тумана,

От полевого летнего дурмана,

От винограда,

что свивает нить –

Кудрявую, хмельную, озорную,

Ей солнца луч совсем легко обвить:

Сто пуповин ползут к нему,

чтоб жить...

Под лозами однажды прикорну я –

И стану кровь небес в себе носить!

10

В разгар веселья – грянут холода,
 Чтоб мы не забывали о пределе.
 Пришла зима. Душа томится в теле.
 Горит над полем синяя Звезда.
 Пишу Дневник Зимы – о наважденье,
 Что снится мне,
 за мной крадётся тенью.
 Я думаю о нём не без стыда:
 Мне много лет. Подобные виденья
 Так неуместны, даже и смешны.
 Но Ты приходишь и под блеск луны,
 И с первым солнцем
 над речной долиной,
 И, тягою полна неодолимой,
 Иду к Тебе!

Пылает моя грудь.
 Звезду я вижу, но не знаю путь,
 И до сих пор Тебя не отыскала.
 Хоть на земле я многих целовала,
 Дотла сжигала, изошла огнём,
 И вновь из пепла жаркого вставала –
 И ночью зимней, и весенним днём,
 Но ничего не ведаю о нём,
 О том огне, что в небесах сияет,
 Что Твоим взглядом
 жизнь мою пронзает,
 И манит вновь за летний окоём,
 Туда, где марь колышется степная,
 Туда, где Ты,
 где я Тебя узнаю,
 И мы до края вечного дойдём...

Надежда Чернова родилась в с. Баянаул Павлодарской области. Закончила факультет журналистики КазГУ им. С. М. Кирова. Автор 20 книг поэзии, прозы и переводов. Её стихи переведены на 12 языков. Печаталась в России, Украине, Беларуси, Туркмени, Азербайджане, Армении, Кыргызстане, Узбекистане, Эстонии, Болгарии, Франции, Израиле, Корее и др. Лауреат Международной литературной премии «Алаш», имеет ряд правительственных наград, в том числе орден «Кұрмет».

